
© А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

zhelezniakovas@yahoo.com

УДК 323.174

ПРИОРИТЕТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ РФ*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются приоритеты модернизации России, озвученные Президентом России Д.А. Медведевым на международном форуме в Ярославле в сентябре 2010 года. Автор анализирует изменение шкалы приоритетов применительно к полиэтничным регионам России — Северному Кавказу, Восточной Сибири, Северу, каждый из которых отличают специфические ценностные ориентиры населяющих их народов.

SUMMARY. The article examines the modernization priorities of the Russian Federation, announced by the President of Russia at the International Forum in Yaroslavl in September, 2010. The author analyses the transformation of the priorities scale concerning some polyethnic regions of Russia – the North Caucasus, the Eastern Siberia and the North, each of them being characterized by specific value guidelines of people, inhabiting these regions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВ. Модернизация, политика, приоритеты, регионы, этничность, цивилизация, культура, ценности.

KEY WORDS. Modernization, politics, priorities, regions, ethnicity, civilization, culture, values.

На протяжении последних двух лет в нашей стране не стихают дискуссии по поводу модернизации. Среди ученых и политиков-практиков существует большой разброд мнений в двух блоках вопросов: во-первых, о том, кто является субъектом процессов кардинального обновления всех сторон жизни российского общества, и, во-вторых, о том, какова должна быть приоритетность задач модернизации и последовательность их решения. На мой взгляд, этот разброд мнений может достигнуть максимальной амплитуды при сопряжении этих двух блоков вопросов с еще одним — с блоком вопросов о мотивах и проблемах модернизации в российских регионах с языковой, этнической и культурной неоднородностью.

Дело в том, что осмысление политических процессов, протекающих в полиэтничной и поликонфессиональной среде, нуждается в использовании цивилизационного подхода или более узких методов цивилизационной политологии — области знания, пока не вполне традиционной в научном обиходе. Однако механическое перенесение на полиэтнические регионы приемов традиционной политологии, используемых при изучении проблем модернизации в общероссийском масштабе, неприемлемо. Более того, в таком же цивилизационном подходе нуждается изучение вопросов о соотношении модернизации с собственно общероссийской цивилизационной идентичностью, о том, что понимать под модернизацией «в российском коридоре возможностей». Правда, это уже сверхсложная дискуссионная тема, связанная с не нашедшими до сих пор

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 11-06-92-203-МОНГа

однозначного ответа фундаментальными, даже хрестоматийными, вопросами философии истории.

Чтобы не наслаивать на этот и без того сложный, цивилизационный, блок вопросов слишком большое количество вопросов по первому и второму блокам, по которым, как указывалось выше, в научной среде имеются серьезные разногласия (и тем самым не потопить суть дела в спорах), мне показалось целесообразным отобрать вопросы только по «линии очевидности», следование которой позволило бы хотя бы в самой схематичной форме обрисовать ситуацию, сведя спорные моменты к приемлемому минимуму.

В первом блоке вопросов (о субъекте модернизации) наиболее удачно эту линию, на мой взгляд, могут представить руководящие установки президента России. При любом отношении к вертикали власти в стране — с президентом в ее вершине или дуумвиратом — невозможно отрицать очевидный характер курса политики «первого лица» (или, если хотите, двух «первых лиц») на модернизацию. Главное, два года назад, с выходом «программной» статьи президента «Россия, вперед!» [1], вертикаль власти получила от своей субъектной вершины соответствующий импульс и заработала в указанном направлении (разумеется, в той мере, в какой она справляется с бюрократической инерцией и вообще проявляет способность к творческим решениям). В любом случае, процесс пошел, а программные макроуровневые задачи и приоритеты модернизации начали претворяться в духе разъяснений на самом высоком уровне.

Второй блок дискуссионных вопросов выстраивается по «линии очевидности» как раз в связи с наблюдением над тем, как эти заработавшие (или призванные заработать) на общероссийском макроуровне задачи и приоритеты модернизации могут быть применены (или не могут быть применены без коррекции) к мезоуровню полиэтнических регионов. Такое искусственное сужение ракурса, с которого рассматриваются проблемы модернизации в российском обществе в целом и в регионах, в частности, оправдано тем, что оно позволяет в рамках одного устного выступления обозначить хотя бы схематически цивилизационные аспекты модернизации в полиэтнических регионах, оставляя отвлекающие дискуссии по другим институциональным вопросам лишь в качестве контекста.

Установка на первоочередную модернизацию социальной и политической сферы жизни российского общества была дана президентом властной структуре в виде предложения ответить на «простой (по выражению самого президента) но очень серьезный вопрос»: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на границу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?»

Суть ораторского приема здесь в том, что ответ на этот четко поставленный президентом актуальный вопрос действительно прост и ясен: Россию нельзя оставлять с такими ношами и тем самым лишать будущего. Вместе с тем «застарелая привычка», о которой говорил президент, сопровождается такими многослойными явлениями, как «неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции» и другие сложные и «очень большие проблемы даже для такого государства, как Россия». Преломляясь в практических условиях полиэтнических регионов России, они стано-

вятся еще более сложными и требуют к себе особого подхода. Чего стоит, например, преломление общероссийской демографической ситуации в конкретных условиях Чукотского автономного округа, где, скажем, заурядное распространение алкоголизма среди коренных жителей чревато не просто общими для страны ускоряющимися темпами деградации населения, а этнической катастрофой.

Таким образом, при простоте и ясности общего ответа на указанный выше вопрос детализированный ответ на него часто оказывается неоднозначным, причем дело доходит до сложностей логического порядка, когда в само обозначение и перечисление единых для всего российского общества проблем включается как отдельная проблема тот или иной полиэтничный регион как таковой. Так, одной из самых острых проблем, стоящих перед Россией, президентом названо продолжение террористических атак, когда жители республик Северного Кавказа просто не знают покоя.

Когда тот или иной регион как таковой (в данном конкретном случае — Северный Кавказ) рассматривается как сложная проблема всей страны, дело отнюдь не в пренебрежении логикой, не в подмене понятий, а в том факте, что данный регион находится в особой беспокойной зоне пересекающихся интересов различных субъектов современного мироустройства. В этом суть сложности всего цивилизационного блока вопросов, относящихся к проблеме модернизации. Полиэтнические регионы России — это зоны «смазанных» границ цивилизации, которую представляет собой российская общность людей.

Российская Федерация — государство полиэтническое и поликонфессиональное, в котором за несколько веков сосуществования многих народов сохранилась яркая этническая специфика регионов. Этнический фактор — один из главных, определяющих процессы государственного строительства нашей страны, в состав которой, в отличие от многих других современных федераций, входят не только региональные, но и национальные административные образования, многие из которых к тому же являются и полиэтническими.

В силу своей особой культурной, этнической, языковой, религиозной «начинки» они находятся полностью или частично в «перехлестывающихся» орбитах различных центров мирового политического и экономического влияния. В этих регионах вполне закономерно происходит своя специализация в реакции на внешние и внутренние вызовы, вызовы, которых нет или которые не столь остро присутствуют в других регионах. Как следствие этого, возникает смещение шкалы ценностных ориентиров; совершенно иначе здесь может выглядеть иерархия приоритетов, пути решения единых для всего российского общества задач социальной и политической модернизации, основой которых и одновременно инструментом является развитие демократических институтов, гражданского общества, повышение уровня самоорганизации и самоуправления.

Поясню эту мысль о смещении приоритетов на примере действия в указанных регионах схемы «универсальных стандартов демократии», которую обрисовал президент России на прошлогоднем мировом форуме в Ярославле [2].

На мой взгляд, речь здесь идет не столько о стандартах, сколько о верхних планках состояния дел с демократией в стране, достижение которых должно быть по логике (и воле) президента целью и одновременно средством всей модернизационной политики государства. Выделенные пять планок (назову их приоритетами политики), действительно включают в себя стандарты демократии, права человека, а также основные цели модернизации.

• Президентская схема указанных «стандартов демократии» — не что иное, как стратегический план модернизации с расположением основных направлений политики по степени их общегосударственной значимости.

• Первое место в схеме занимает правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов.

• Вторым приоритетом политики выступает достижение способности государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития.

• На третьем месте в схеме находится способность демократического государства защищать своих граждан от посягательств со стороны преступных сообществ.

• В качестве четвертого приоритета политики названа необходимость обеспечить высокий уровень культуры, образования, средств коммуникации и обмена информацией.

• И, наконец, пятым стандартом демократии названа убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве. Переводя этот пункт на язык политики государства, можно сказать, что эту убежденность следует также стимулировать.

Приведенная схема приоритетов и предпочтений федерального центра при следовании курсом на демократическое развитие страны, являющееся к тому же инструментом модернизации, призвана показать свою действенность на макроуровне — в общероссийском масштабе. Само озвучивание этой схемы президентом России является важным событием политической жизни, началом отсчета целенаправленной модернизационной политики федерального центра. Однако данная схема очередности приоритетов, рассчитанная на макроуровень, не всегда в такой же последовательности срабатывает на уровне отдельных регионов, и прежде всего — на уровне полиэтнических регионов России, где для достижения конечных результатов социальной и политической модернизации российского общества может быть выстроена иная иерархия тех же самых приоритетов политики.

Остановлюсь на примере регионов проживания некоторых народов Северного Кавказа, Восточной Сибири и Севера, ценностные установки которых в политической и социальной сферах помимо важнейших общероссийских скрепов имеют свои специфические особенности, способные пролить свет на многие проблемы модернизационного развития России. Эти регионы отличаются сложным этническим составом населения. Особенно это относится к народам Северного Кавказа, в культуре которых прослеживаются характерные черты арабского, иранского и тюркского влияния, а различные стороны ислама отражаются на формировании культурного ландшафта. Особенность коренных народов Бурятии, Тувы, Иркутской области и Забайкальского края, входящих в Восточносибирский регион — укорененность северного (монголо-тибетского) буддизма и в отдельных местах шаманизма, степные кочевнические традиции, элементы культа Чингисхана. Малочисленные народы Севера включены в глубокие интеграционные процессы с общероссийскими «вахтовиками», многие из них находятся на грани потери культурной идентичности. Традиционные хозяйственно-культурные типы коренных народов Севера с большим трудом вписывались сначала в централизованную советскую экономику, в программные задачи строительства «нового общества», а сейчас практически игнорируются в системе товарно-денежных отношений современной России. Рыночный фундаментализм враждебен не только реликтам традиционного хозяйственного уклада, но и социокультурным нормам носителей этого уклада, вследствие чего эти народы оказыва-

ются незащищенными. Парадокс состоит в том, что именно территории их исторического проживания являются источником приращения национального богатства и двигателями технологической и экономической модернизации (например, и Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа богаты нефтегазовыми ресурсами). В первом случае границы российской цивилизации тесно переплетены с бурлящим миром ислама, во втором — с относительно спокойным миром буддизма, в третьем — с угасающим миром арктических народов. В первом случае шкала приоритетов модернизации резко меняется, во втором и третьем — хотя и не меняется, но оказывается наполненной специфическими задачами межкультурного взаимодействия, либо отягощена необходимостью преодоления дополнительного культурного барьера в освоении моделей социально-экономической модернизации и социокультурной трансформации.

Одним из проявлений кризисного состояния на Северном Кавказе, доходящего до его превращения в острую проблему всей России, является чрезвычайно высокий уровень коррупции местных правящих элит. Так, подавляющее большинство дагестанцев (80%) отмечают, что сталкиваются всегда или часто с взяточничеством при обращении в органы государственной власти. Находящие подпитку в коррумпированности власти религиозная нетерпимость, радикализация ислама, рост преступности и терроризм создают существенную проблему не только для модернизации на Северном Кавказе, но и для национальной безопасности страны в целом. Поэтому шкала приоритетов здесь меняется следующим образом:

На первый план здесь выходит всего лишь третий в президентской классификации приоритет, связанный с охранительными функциями государства по защите граждан от преступных посягательств.

- Высокое, хотя и не первое, а второе место на Северном Кавказе занимает по очередности правовой приоритет политики.

- На третье с четвертого места поднимается культурный приоритет, поскольку является таким безотлагательным инструментом модернизации, который предполагает необходимую республикам пропаганду светских ценностей (с сохранением и, конечно, развитием умеренных течений ислама), связанную с формированием общероссийской гражданской идентичности.

- Опустился на четвертое место на Северном Кавказе второй по своей значимости в схеме президента приоритет политики (способность государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития). Невозможно без опоры на благоприятные факторы в правоохранительной, правовой и культурной сферах построить процветающую экономику там, где в привычку вошло проедание и разворовывание инвестиций.

- Осталась на месте последняя, пятая, весьма трудно достижимая в обозримой перспективе, но от этого не ставшая все-таки призрачной, планка развития демократии, связанная с дополнительными стимулами к модернизации за счет достижения людьми ощущения личной свободы.

Таким образом, наличие сложных социально-экономических проблем, таких как разгул терроризма, бедность, безработица, чрезвычайно высокий уровень преступности и коррупции, недостаток пропаганды светских ценностей и радикализация ислама коренным образом меняют порядок применения на Северном Кавказе общероссийских приоритетов модернизации политической и социальной сфер жизни.

Шкала приоритетов политики модернизации в Восточной Сибири совпадает с общероссийской шкалой, хотя этнический и религиозный и шире — цивилизационный — фактор для этого региона не менее значим.

• В первый приоритет политики модернизации — правовое воплощение общероссийских гуманистических ценностей и идеалов — Восточная Сибирь привносит почти полностью игнорировавшиеся ранее ориентиры общественного развития, связанные с ее частичной включенностью в мир буддийской культуры. Сейчас не модно в научной дискуссии цитировать мысли наших лидеров, но учитывая то, что президент России в настоящем докладе рассматривается как очевидный субъект модернизации в стране, следует привести его слова, сказанные в 2009 г. на встрече с российскими буддистами во главе с Пандито Хамбо-ламой: «Самобытная буддийская культура — неотъемлемая и очень ценная часть общероссийского исторического и культурного наследия» [3].

• Во втором общероссийском приоритете политики — обеспечении высокого уровня технологического развития — место Восточной Сибири трудно переоценить, особенно в контексте того огромного интереса, который проявляют к этому богатому интеллектуальными и сырьевыми ресурсами региону страны АТР (и не только АТР).

• Третья планка, связанная со способностью демократического государства защищать своих граждан от посягательств со стороны преступных сообществ, применительно к рассматриваемому региону также имеет свои специфические особенности. К общероссийским проблемам здесь присоединяются такие острые темы, как защита уникальных объектов природы мирового значения, борьба с незаконной хозяйственной деятельностью по практически неиссякаемому внешнему каналу, связанному с безграничным китайским рынком.

• Четвертый приоритет политики модернизации в Восточной Сибири, помимо общих для всей страны задач, напрямую связан с включенностью региона в мир монголо-тибетской культуры. В Восточной Сибири на этом плацдарме может быть инициировано начало широкого культурного и информационного обмена между монголоязычными народами России, Монголии и Китая, развитию образования и средств коммуникации. Россия призвана воздвигнуть преграды перед опасностью ассимиляции монголо-тибетской буддийской культуры в лоне китайской цивилизации. Соответственно своему интеллектуальному вкладу, Россия в международном окружении приобретет на этом направлении ресурс субъектности мировой державы и внешнюю поддержку.

• По пятому приоритету можно сказать следующее. В отличие от ситуации на Северном Кавказе, в Восточной Сибири формирование у граждан ощущения личной свободы, убежденности в том, что они живут в демократическом государстве уже не выглядит несбыточной фантазией. Как и в общероссийском масштабе, следует только стимулировать эту убежденность неукоснительным следованием правильным курсом на модернизацию.

Цивилизационный фактор имеет особое значение для народов Севера. Модернизационная политика здесь должна основываться на разумном сочетании традиций и инноваций в развитии культуры и хозяйства малочисленных этносов Севера, должна предусматривать сохранение традиционной основы природопользования и культурного наследия аборигенов, наряду с заимствованиями достижений современной науки и технического прогресса. Таким образом, приоритеты модернизационной политики здесь дополняются следующими моментами:

• Необходимостью правового обеспечения создания территорий традиционного природопользования (ТТП). В академических научных исследованиях подчеркивается, что у аборигенов должны быть ТТП, где они имели бы возмож-

ность сохранять привычный образ жизни и вести традиционную хозяйственную деятельность: заниматься охотой, оленеводством, рыболовством, собирательством. При этом на данных территориях не должна допускаться деятельность, наносящая вред окружающей среде и традиционному образу жизни малочисленных народов [4].

Значение второго приоритета — технологического — для Севера так же неоспоримо, как и для Восточной Сибири. Однако проекты освоения новых месторождений, строительства электростанций, а также нефтепроводов должны дополняться технологическими задачами сохранения среды обитания и традиционного образа жизни народов Севера.

Третий приоритет — способность демократического государства защищать своих граждан от посягательств со стороны преступных сообществ — имеет здесь ту же актуальность, что и в рамках России в целом. От борьбы с нарушениями прав коренных народов должен исходить импульс придания ценностным установкам всех этносов России практической силы закона.

На четвертом месте остается культурный приоритет, так как политика модернизации не может осуществляться ни путем изоляции народов Севера от современной цивилизации, ни путем безудержного вовлечения в конкурентные рыночные отношения, грозящие гибелью традиционной культуры и даже исчезновением наиболее малочисленных этнических групп.

Наконец, пятый приоритет — стимулирование убежденности людей в том, что они живут в демократическом государстве, проявляющем заботу о своих гражданах — связан с созданием достойных человека уровня и качества жизни, системы сбережения здоровья людей в экстремально дискомфортных для одних (приезжих) и притягательных для других (коренных) жителей природных условиях.

Россия — уникальная страна. Она встроена в мировые цивилизационные связи в качестве отдельного субъекта именно благодаря наличию полиэтнических регионов, которые существуют в ее теле как проблемы всей страны и одновременно как проблемы ее окружения. В данном случае с проблемами связаны не только негативные явления и процессы, которые требуется преодолеть, но и рубежи, к которым следует стремиться, ключи к открытию новых горизонтов развития, цивилизационного диалога, нового качества глобальных связей, механизмов модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Официальный сайт Президента России / URL: <http://www.kremlin.ru>.

Медведев Д.А. Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», Ярославль, 10 сентября 2010 года / URL: <http://kremlin.ru>.

2. Начало встречи с российскими буддистами. 24 августа 2009 // Официальный сайт Президента России / URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5267>.

3. Российская академия наук и Канада напомнили нефтяным компаниям о правах северных народов на природные ресурсы / URL: <http://www.fucongress.org/news/1253342348.html>.